

Сказка Астрид Линдгрэн

" Мио, мой Мио! "

Мио, мой Мио!

Да, наступило утро. Стояла чудесная погода. Светило солнце. Задорный летний ветерок подлетел к окну и взлохматил мне волосы.

Высунувшись из окна, я взглянул на озеро. То было веселое, голубое озеро, и в нем отражалось солнце. Заколдованные птицы исчезли.

О, какой чудесный день! В такой день только бы играть! Я посмотрел вниз на воду, подернутую рябью от утреннего ветерка. Мне страшно захотелось бросить что-нибудь в озеро. Шикарный получится бултых, если бросить что-нибудь в воду с такой высоты. Но под рукой ничего, кроме меча, не оказалось, и я запустил его в озеро. Забавно было смотреть, как он летел в воздухе и, плюхнувшись, поднял столько брызг! Вода тотчас поглотила меч, и по воде пошли большие круги. Большие красивые круги. Они все росли и росли, расходясь по всему озеру.

Вот это зрелище! Но у меня не было времени стоять и смотреть, пока круги исчезнут. Надо было торопиться к Юм-Юму. Наверно, он ждет меня и беспокоится.

Той же дорогой, какой мчался час назад, я возвращался обратно. Громадные залы и безмолвные галереи опустели и притихли. Ни одного черного стражника не было видно. Все они куда-то подевались. Сквозь оконные решетки лучи солнца освещали старинные своды, с которых свисала паутина. До чего ж древним и сумрачным казался этот замок.

Повсюду было так пустынно и тихо, что я испугался: а вдруг Юм-Юм тоже исчез? Я бросился бежать со всех ног. Я бежал все быстрее и быстрее. Но, приблизившись к башне, услышал, что Юм-Юм наигрывает на флейте, – я сразу успокоился и повеселел.

Я распахнул дверь нашей темницы. Юм-Юм сидел на полу. При виде меня глаза его засверкали, он вскочил на ноги и сказал:

– Я страшно тревожился и, чтобы отвлечься, все время играл на флейте.

– Теперь тебе не о чем тревожиться, – ответил я. Мы были так рады, что только глядели друг на друга и смеялись.

– А теперь уйдем отсюда, – сказал я. – Уйдем и никогда больше не вернемся.

Мы взяли за руки и выбежали из замка рыцаря Като. Сначала мы оказались во внутреннем дворе замка. И кто, вы думаете, скакал нам навстречу? Мирамис! Моя Мирамис с золотой гривой! Около нее прыгал маленький белый жеребенок.

Мирамис одним прыжком оказалась возле меня, я обнял ее за шею и прижался головой к морде лошади, шепча ей на ухо:

– Мирамис, моя любимая Мирамис!

Лошадь посмотрела на меня своими преданными глазами, и я почувствовал, что она так же сильно тосковала без меня, как и я без нее.

Посреди двора по-прежнему стоял столб, возле которого валялась цепь. И тут я понял, что Мирамис и была той черной лошадью, которую я видел ночью прикованной во дворе. А маленький жеребенок – тем самым жеребенком, которого рыцарь Като выкрал в Дремучем Лесу. Из-за этого жеребенка сотня белоснежных лошадей плакала кровавыми слезами. Теперь им не придется больше плакать. Скоро жеребенок вернется к ним обратно.

– А что случилось с другими пленниками рыцаря Като? – спросил Юм-Юм. – Куда делись заколдованные птицы?

– Поскачем верхом к озеру и поищем их там, – предложил я.

Мы сели на спину Мирамис, а жеребенок побежал за нами изо всех сил. Мы выехали из ворот замка.

И в тот же миг мы услышали удивительный, страшный грохот. Позади нас что-то рухнуло, сотрясая землю. Это обрушился замок рыцаря Като, он превратился в груду камней. Не было больше ни башен, ни пустынных залов, ни мрачных винтовых лестниц, ни потайных окошек, ничего. Лишь большая груда голых камней.

– Нет больше замка рыцаря Като, – сказал Юм-Юм.

– Остались одни камни! – добавил я. С вершины скалы, на которой раньше стоял замок, к озеру круто спускалась узкая, опасная тропинка. Мирамис ступала по ней с величайшей осторожностью, медленно переставляя ноги, жеребенок следовал за ней.

Так мы целыми и невредимыми добрались до берега.

На каменной плите почти у самого подножия скалы собралась стайка малышей. Они, верно, ждали нас, потому что бросились навстречу с сияющими лицами.

– О, да ведь это братья нашего друга Нонно, – сказал Юм-Юм. – А вот маленькая сестренка мальчика Йри и другие дети. Нет больше заколдованных птиц!..

Мы спрыгнули с лошади. Дети окружили нас. Они немного смущались, но были приветливы и радостны. Один из братьев Нонно тронул меня за руку и сказал тихо, словно боясь, что его кто-то услышит:

– Я так рад, ведь на тебе мой плащ! Так рад, что нас расколдовали!

Одна девочка, сестренка мальчика Йри, тоже подошла ко мне. Не смея взглянуть на меня и глядя от смущения в сторону озера, она чуть слышно прошептала:

– Я так рада, ведь у тебя моя ложечка! Так рада, что нас расколдовали!

И другой братишка Нонно положил мне руку на плечо и сказал:

– Я так рад, ведь мы достали твой меч со дна озера. Так рад, что нас расколдовали!

– Теперь меч снова на дне озера, – вымолвил я. – Там ему и место, мне он больше не понадобится.

– Мы тоже не станем больше доставать его, раз мы больше не заколдованные птицы, – ответили дети.

Я окинул взглядом детей, окружавших меня.

– А кто из вас маленькая дочка ткачихи? – спросил я.

Наступила тишина, все молчали.

– Кто же из вас маленькая дочка ткачихи? – повторил я.

Мне хотелось рассказать ей, что мой плащ подбит волшебной тканью, сотканной ее матерью.

– Дочкой ткачихи была Милимани, – сказал брат нашего друга Нонно.

– Где же она? – удивился я.

– Вот где Милимани! – ответил брат нашего друга Нонно.

Дети расступились. Среди пенистых волн на скалистой плите лежала маленькая девочка. Я подбежал и упал возле нее на колени. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, мертвая. Ее личико было маленьким и совсем белым, а тело обгорело.

– Она погасила факел! – сказал брат нашего друга Нонно.

Я был в отчаянии. Милимани погибла из-за меня! Я страшно горевал. Ничто не радовало меня, ведь Милимани погибла из-за меня.

– Не горюй, – сказал брат нашего друга Нонно. – Милимани сама полетела навстречу огню, хотя знала, что крылья ее вспыхнут и сгорят.

– Да, но она погибла, – сказал я в отчаянии. Брат нашего друга Нонно взял ее маленькие обгорелые ручки в свои.

– Мы должны оставить тебя здесь одну, – произнес он. – Но прежде чем уйти, мы споем тебе нашу песню.

Все дети уселись на скалистой плите вокруг Милимани и запели ей песню, которую сами сочинили:

Милимани, наша сестренка, Ты, сестренка, упала в волны, Упала в волны с крылом обожженным, Милимани, о Милимани! Тихо дремлешь и не очнешься, Не очнешься, не полетишь ты Над темной водой с горестным криком...

– Теперь темной воды больше нет, – сказал Юм-Юм. – А спокойные, ласковые волны тихо плещут, напевая песню Милимани, уснувшей на берегу.

– Хорошо бы завернуть ее во что-нибудь, – сказала сестренка мальчика Йри. – Тогда бы ей было не так жестко лежать на скалистой плите.

– Мы завернем Милимани в мой плащ, – сказал я. – Мы завернем ее в ткань, которую соткала ее мать.

И я завернул Милимани в плащ, подбитый волшебной тканью. Она была соткана из белого цвета яблонь, нежности ночного ветра, ласкающего травы, теплой алой крови сердца – ведь это руки ее родной матери соткали такую ткань. Я бережно закутал бедняжку Милимани в плащ, чтоб ей было мягче лежать на скале.

И тут свершилось чудо. Милимани открыла глаза и посмотрела на меня. Сначала она лежала неподвижно и только глядела на меня. Затем приподнялась и села, а увидев всех нас, страшно удивилась. Оглядевшись по сторонам, она удивилась еще больше.

– До чего голубое озеро! – сказала она. Больше она ничего не сказала. Потом Милимани сбросила плащ и встала. На ее теле не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

осталось никаких следов от ожога. Как мы обрадовались, что она ожила.

Вдали на озере показалась скользящая по волнам ладья. Кто-то сильно работал веслами. Когда ладья приблизилась, я увидел, что это гребет Кователь Мечей; с ним был и старый Эно.

Скоро ладья ткнулась носом в скалу, и они сошли на берег.

– Ну, что я вам говорил? – спрашивал Кователь Мечей раскатистым басом. – Что я вам говорил: "Скоро пробьет час последней битвы рыцаря Като". Ведь так я говорил?

Эно бросился мне навстречу.

– Я хочу кое-что показать тебе, принц Мио! – сказал он.

Протянув свою морщинистую руку, он разжал ладонь. Там лежал маленький зеленый листочек. Такой маленький листочек, тоненький и хрупкий, нежно-зеленый, с чуть заметными прожилками.

– Он вырос в Мертвом Лесу! – сказал Эно. – Я только что нашел его на дереве в Мертвом Лесу!

Он закивал с довольным видом, и его маленькая седая всклокоченная голова закачалась, как челнок.

– Я буду приходить в Мертвый Лес каждое утро и смотреть, много ли прибавилось зеленых листочков. А этот оставь себе, принц Мио.

Он положил мне в руку листочек. Он наверняка считал, что отдает мне самое прекрасное, что у него есть.

Снова кивнув головой, он сказал:

– Я все время желал тебе удачи, принц Мио. Я сидел в своей лачуге и надеялся, что тебе повезет.

– А что я тебе говорил? – вмешался Кователь Мечей. – "Близок час последней битвы рыцаря Като". Ведь так я говорил?

– Как попала к тебе ладья? – спросил я Кователя Мечей.

– Волны пригнали ее обратно, – ответил он. Я взглянул на другую сторону озера, на гору Кователя Мечей, на лачугу Эно. Все новые и новые ладьи скользили по озеру. Их было много, и в них сидели незнакомые люди. Бледные исхудалые люди. Они удивленно и радостно глядели на солнце и голубое озеро. Верно, они никогда раньше не видели солнца. А теперь оно взошло, ярко освещая озеро и окружающие его скалы. Это было так чудесно! И только уродливая груда камней, оставшихся от замка на вершине горы, портила прекрасный вид. Но я подумал: со временем на этих камнях вырастет мох. Со временем шелковистый зеленый мох скроет каменную осыпь, и никто не будет знать, что под этим живым ковром погребен замок рыцаря Като.

Я когда-то видел розовые цветы, похожие на маленькие колокольчики, которые пышно растут в расщелинах среди камней. Может, придет день, когда вот такие же розовые цветы вырастут во мху, на развалинах замка рыцаря Като. Я думаю, это будет красиво.

Дорога домой была неблизкой, но возвращаться всегда легко. Дети ехали на Мирамис, а самых маленьких вез жеребенок. Их это забавляло. Остальные шли пешком до тех пор, пока не вошли в Дремучий Лес.

Опустилась ночь, и Дремучий Лес превратился в Лес Лунного Света. Кругом стояла тишина – мы неслышно пробирались среди деревьев. Но вдруг Мирамис громко и призывно заржала, и также громко и призывно ответила ей сотня белоснежных лошадей. Они мчались к нам навстречу, стуча копытами. Маленький жеребенок тоже начал ржать. Он пытался ржать так же громко и призывно, как взрослые лошади, но у него получалось лишь слабое, чуть слышное смешное ржание. Но белоснежные лошади услышали его.

О, как они обрадовались, что жеребенок вернулся домой! Они толпились вокруг него, и каждая пыталась подойти поближе, прикоснуться к нему, убедиться, что он и в самом деле вернулся домой.

Теперь у нас была сотня лошадей, и никому не пришлось больше идти пешком. Каждому досталось по лошади. Сам я скакал на Мирамис, а Юм-Юм, как обычно, сидел сзади, потому что не променял бы Мирамис ни на какую другую лошадь в мире. Маленькая девочка, самая младшая из всех, ехала на жеребенке.

Мы скакали лесом, и белоснежные лошади при лунном свете были так прекрасны!

Вскоре я увидел, как что-то забелело меж деревьев. То были цветущие яблони вокруг домика ткачихи.

Белая кипень яблоневых цветов покрывала деревья вокруг домика, который предстал перед нами, точно в сказке. Донесся стук ткацкого станка, и Милимани сказала:

– Это мама тклет.

Спрыгнув с лошади возле калитки, она помахала нам рукой и сказала:

– Я так рада, что приехала домой! Так рада, что я дома еще до того, как осыпался яблоневый цвет!

Она побежала по узенькой тропинке меж яблонь и исчезла в доме. И тотчас ткацкий станок смолк.

Но до Острова Зеленых Лугов путь был немалый, а я так рвался к моему отцу-королю. Сотня белоснежных лошадей с Мирамис впереди взлетела над Дремучим Лесом и взмыла выше самых высоких гор. Лошади плыли по воздуху к Острову Зеленых Лугов.

Было утро, когда мы прибыли к мосту Утреннего Сияния. Часовые только что опустили мост. Он сиял в золотых лучах солнечного света, и сотня белоснежных лошадей, вытянув шеи, с развевающимися гривами, неслась по нему во весь опор. Часовые растерянно уставились на нас. Вдруг один из них вытащил рог и громко затрубил, так что эхо разнеслось по всему Острову Зеленых Лугов. Из маленьких домиков и хижин выбежали все те, кто печалился и горевал о судьбе похищенных детей. Они увидели, что дети едут на белоснежных лошадях. Все до единого вернулись домой. Лошади понеслись дальше по лугам, и вскоре мы были у сада моего отца. Тут дети спрыгнули с лошадей, и к ним подбежали их мамы и папы. Они вели себя точно так же, как белоснежные лошади, когда увидели вернувшегося домой белоснежного жеребенка.

Там были Нонно и его бабушка, Йри со своими братьями и сестрами, папа и мама Юм-Юма и многие другие, кого я раньше никогда не видел. Они то плакали, то смеялись, целуя и обнимая вернувшихся домой детей.

Но среди них не было моего отца. Белоснежные лошади могли теперь вернуться в Дремучий Лес. Я видел, как они рысцой бежали обратно по лугам. Впереди мчался маленький белоснежный жеребенок.

Юм-Юм так увлеченно рассказывал папе и маме обо всем, что с нами случилось, что не заметил, как я отворил калитку нашего сада и вошел. Никто не заметил, как я исчез, и это было к лучшему. Мне хотелось пойти туда одному. Я шел по аллее серебристых тополей, они звенели по-прежнему, по-прежнему цвели розы, все было по-прежнему.

И вдруг я увидел его. Я увидел моего отца-короля. Он стоял на том же самом месте, где я оставил его, отправляясь в Дремучий Лес и в Страну Чужедальнюю. Он стоял там, протягивая ко мне руки. Я бросился в его объятия и крепко-крепко обвил его шею руками, а он прижал меня к себе и прошептал:

– Мио, мой Мио!

Ведь отец так любит меня, а я очень люблю его.

Весь день был для меня праздничным. Все мы – и я, и Юм-Юм, Нонно и его братья, Йри и его сестры и братья, и остальные дети – играли в саду. Увидев шалаш, который построили мы с Юм-Юмом, они сказали, что шалаш просто замечательный. Мы катались верхом на Мирамис, и она легко перепрыгивала через живые изгороди роз. А потом мы играли с моим плащом. Брат нашего друга Нонно ни за что не хотел взять его обратно.

– Подкладка, во всяком случае, твоя, – говорил он.

Мы играли в прятки, накидывая плащ на себя. Я надевал его подкладкой наружу, бегал среди кустов, словно человек-невидимка, и кричал:

– Никому меня не поймать! Никому!

И конечно, дети, как ни старались, не могли меня поймать.

Стало темнеть, и всем пришлось разойтись по домам. Папы и мамы не хотели, чтобы их дети загулялись в первый же вечер после возвращения домой.

Мы с Юм-Юмом остались в шалаше вдвоем. Как только вечерняя заря осветила розы в саду, мы заиграли на флейтах.

– Будем беречь наши – флейты, – сказал Юм-Юм. – Если придется вдруг разлучиться, станем наигрывать старинный напев.

Тут за мной пришел отец. Я пожелал Юм-Юму спокойней ночи, и он побежал домой. Пожелал я спокойной ночи и Мирамис, которая щипала траву возле шалаша. Потом я взял отца за руку, и мы молча пошли, домой среди роз.

– Мио, мой Мио, ты, наверно, вырос за это время, – сказал вдруг отец. – Сделаем нынче вечером новую метку на кухонной двери.

Мы шли по аллее серебристых тополей, и сумрак, будто легкий голубоватый туман, обволакивал сад. Белые птицы попрятались в гнезда. Только на верхушке самого высокого серебристого тополя в одиночестве сидела птица Горюн и пела. Я не знаю, о чем пела она теперь, когда все похищенные дети вернулись домой. Но у птицы Горюн, верно, всегда найдется о чем петь.

А далеко на лугах стали зажигаться костры. Они вспыхивали один за другим и озаряли сумрак. И я слышал, как пастухи наигрывают вдали свой старинный напев.

Мы шли, держась за руки, отец и я. Мой отец-король смотрел на меня сверху вниз и смеялся, а я смотрел на него снизу вверх и чувствовал себя таким счастливым.

– Мио, мой Мио! – сказал отец. – Мио, мой Мио! – повторял он, пока мы в сумерках шли домой.

Незаметно настал вечер, а за ним и ночь.

* * *

Уже давно я живу в Стране Дальней и редко вспоминаю то время, когда жил на Упландсгатан. Только Бенку я вспоминаю чаще – ведь он так похож на Юм–Юма. Надеюсь, что Бенка не слишком тоскует по мне. Ведь никто лучше меня не знает, как тяжела тоска. Но у Венки есть отец и мать, и, конечно, он нашел себе нового друга.

Иной раз вспомнятся тетя Эдля и дядя Сикстен, но вражды к ним я больше не питаю. Мне только интересно знать, что они подумали, когда я исчез. Они так мало обо мне заботились, что, может, и вообще этого не заметили. Тетя Эдля, верно, думает, что стоит ей пойти в парк Тегнера и поискать, как она непременно найдет меня на какой–нибудь скамейке. Она думает, что я все еще сижу там под фонарем, ем яблоко и забавляюсь пустой бутылкой из–под пива или еще какой–нибудь ерундой. Она, верно, думает, что я сижу и смотрю на дома, где в окнах горит свет, а дети ужинают со своими мамами и папами... И тогда тетя Эдля совсем выходит из себя из–за того, что я еще не вернулся домой с сухарями.

Но она ошибается, тетя Эдля! И еще как! Буссе давно уже нет на скамейке в парке Тегнера. Он теперь в Стране Дальней. Он в Стране Дальней, где шумят серебристые тополя, где костры освещают и согревают ночь, где так вкусен хлеб насущный и где у Буссе есть отец–король, которого он так любит и который так любит его.

Да, все так и есть. Бу Вильхельм Ульсон сейчас в Стране Дальней, и ему здорово живется у его отца–короля.

[Назад](#) <<